

Сотни кофеварок и распиленная скрипка

Культура. - 2001. -
8-14 февр. - с. 10

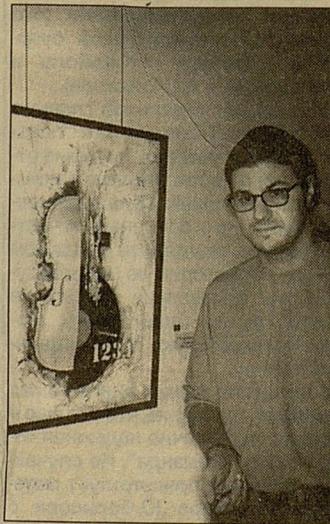
В 18 лет Кирилл Данелия, студент постановочного факультета Школы-студии МХАТа, стал гвоздем первой выставки русских художников в Беверли-хиллз. Его картину приобрела для своей коллекции английская королева Елизавета. Теперь он живет и работает в Нью-Йорке, разорвав все контракты и уйдя на вольные хлеба.

— Я вырос на московских кухнях семидесятых — восемидесятых годов, где без конца варили кофе и говорили за жизнь, — рассказывает Кирилл. — Моими друзьями были друзья родителей, известные люди, позволявшие мне, мальчику, ощущать себя на их уровне. Когда художник-постановщик "Кин-дзазда" Теодор Тэжик взял меня (тогда еще восьмиклассника) к себе в мастерскую, я рисовал, как рисуют все дети. Но Теодор сразу дал мне интересную работу. С этого все и началось. Среди друзей родителей был человек, которого я боялся. Я говорю о художнике Виталии Длуги, который еще в детстве стал, по сути, моим гуру. Длуги был диссидентом, и я страшно пережи-

вал, когда в 1980 году он был вынужден эмигрировать в США. А через девять лет я отправился в Нью-Йорк, поселился у Виталия и стал жить так, как жил он. Его влияние на меня было абсолютным и в жизни, и в живописи. В частности, от его "кофейных" натюрмортов пошли и мои. Я написал сотни кофеварок и всякий раз испытывал блаженную грусть по странному своему детству и по старшему покойному другу.

— Ты приехал в Нью-Йорк к Длуги. Почему же после его смерти не вернулся домой?

— Жизнь русских художников в Нью-Йорке та же, что и в Москве, — сплошная тусовка. Я по натуре не тусовщик. И если в Москве мне вряд ли удалось бы избежать этой сути, то здесь, в Штатах, я (в хорошем смысле этого слова) одинок. Мне вполне хватает общения с женой и маленьким сыном. И с теми вещами и предметами, которые я люблю и пишу. Иногда, впрочем, бываю у знакомых из русской диаспоры, где нахожу атмосферу своего детства — заповедник прошло-

К.Данелий

го, когда в Москве еще жило наивно-человеческое отношение к дружбе, книге, искусству. Конечно, это ненормально, но мне в кайф.

— Но, вероятно, есть и друзья?

— Среди русских художников нет. Хорошо знаком с Эрнстом Нескучным, но для меня он только мэтр. Он дружит с родителями, я же не нахожу с ним общего языка. Что касается американцев, то свести знакомство с любым из них в Нью-Йорке ничего не стоит. К примеру, когда я не на шутку увлекся татуировкой, позвонил как-то Шатси Горману — художнику, входящему в пятерку лучших татуировщиков мира. Он тут же пригласил меня к себе и дал несколько дружеских уроков. А я пригласил его в Москву, в клуб художников-татуировщиков "Тату", организованный мной. И он сразу согласился. Американцы очень легки на подъем.

Ответ на вопрос, почему Кирилл Данелия не слишком нуждается в тесном общении с людьми, дают его картины. Предметы и вещи, написанные им, странным образом одушевлены. И это не случайно: каждую вещь художник ощущает как жизнь человека. Он наслаждается общением с предметами, их экзотикой, но главным образом, их таинственной жизнью, прожитой с

человеком. По теории, унаследованной Кириллом от Виталия Длуги, вещи, к которым люди присасываются, обладают живой человеческой энергией. И чем старее вещь, тем она более энергетична. Это прошлое, которое мы тащим с собой. На его полотнах живут автомобили, выскакивающие из шоссе, бутыли, умирающие от жажды, телефоны и пластинки, поющие о былом, подземка — стальная артерия мегаполиса с инквизиторскими наклонностями.

Кирилл Данелия не знает, сколько еще проживут в его творчестве уже известные нам вещи и предметы. Однако есть один предмет, который полностью завладел вниманием и чувствами художника. И, судя по всему, останется с ним на всегда. Речь идет о скрипке.

— Скрипка — это вещь, доведенная гением человеческих рук до совершенства. Мои "Скрипки" — это мои надежды. Когда я пишу их, мне хочется домой, в Россию.

Леонид ЛЕРНЕР